

Научная статья

УДК 76.01:741.5(470)“18/20”

DOI 10.46748/ARTEURAS.2026.02.018

Термины «карикатура» и «шарж» в историческом развитии (на материале отечественных энциклопедий конца XIX – начала XXI века)

Коган Лев Дмитриевич

Академия Русского балета имени А.Я. Вагановой, Санкт-Петербург, Российская Федерация
levkoganspb@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2887-3981>, SPIN-код (Science Index): 2860-5850

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме современного гуманитарного знания — терминологической неопределенности понятий «карикатура» и «шарж» в их историческом развитии. Несмотря на широкое употребление этих терминов как в научной среде, так и в обществе, их трактовка до сих пор содержит разночтения. Цель работы — проследить эволюцию дефиниций данных понятий, выявив ключевые этапы формирования их научного понимания, а также проанализировать достоинства и недостатки существующих подходов. Исследование проведено на материале отечественных энциклопедических изданий конца XIX – начала XXI века.

В результате установлено, что термин «карикатура» обретает относительно точную характеристику в российской энциклопедической традиции лишь в XXI веке. При этом сложно выделить единственную статью, исчерпывающе описывающую это понятие: процесс научного поиска сопровождался как открытиями, так и упущениями. В отличие от этой ситуации, понимание шаржа как разновидности карикатуры в общих чертах сложилось уже в начале XX века, однако в тот период оно отличалось противоречивостью и отсутствием точных формулировок. К середине XX века оформилось научное представление о шарже, в дальнейшем остававшееся почти неизменным. Применительно к термину «карикатура» в советский период ключевым методологическим принципом выступает контекстуальный анализ: сопоставление статей трех изданий БСЭ в их историко-идеологической динамике позволяет выявить, как внешние политические факторы встраивали в определение понятия идеологические догмы. Особая сложность изучения понятий обусловлена их комплексным характером, что требует от исследователя применения междисциплинарного подхода, объединяющего достижения ряда гуманитарных наук. В статье показано, что изменение понимания карикатуры в советских энциклопедиях происходило на фоне более широких процессов: превращения жанра из «искажения натуры» в мощный инструмент пропаганды в период мировых войн и последующего осмысления его как сложного семиотического кода в эпоху коммуникативного бума 1950–1980-х годов. Такой ракурс позволяет избежать упрощенной трактовки, а также включить контекстуальный анализ в общую картину эволюции жанра.

Ключевые слова: карикатура, шарж, жанр, дефиниция, терминологическая неопределенность, энциклопедические издания, контекстуальный анализ, междисциплинарный подход, семиотический код

Для цитирования: Коган Л.Д. Термины «карикатура» и «шарж» в историческом развитии (на материале отечественных энциклопедий конца XIX – начала XXI века) // Искусство Евразии [Электронный журнал]. 2026. № 2 (41). С. 298–309. <https://doi.org/10.46748/ARTEURAS.2026.02.018>. URL: <https://eurasia-art.ru/art/article/view/1282>.

Original article

The terms of “caricature” and “portrait caricature” in their historical development (evidence from Russian encyclopedias of the late 19th to early 21st century)

Lev D. Kogan

Vaganova Academy of Russian Ballet, Saint Petersburg, Russian Federation
levkoganspb@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2887-3981>, SPIN-code (Science Index): 2860-5850

Abstract. This article addresses a pressing issue in contemporary humanities scholarship: the terminological ambiguity surrounding the concepts of “caricature” and “portrait caricature” in their historical development. Despite the widespread use of these terms in both academia and society, their interpretations remain controversial. The aim of this study is to trace the evolution of definitions of these concepts, identify key stages in the development of their scholarly understanding, and analyse the strengths and weaknesses of existing approaches. The study is based on Russian encyclopaedic publications from the late 19th to the early 21st century. The study revealed that the term “caricature” only acquired a relatively precise definition in the Russian encyclopaedic tradition in the 21st century. However, it is difficult to identify a single article that comprehensively describes this concept: the process of scholarly research has been accompanied by both discoveries and omissions. In contrast, the general understanding of portrait caricature as a specific type had already taken shape by the early 20th century. However, at that time, it was characterised by contradictions and a lack of precise definitions. By the mid-20th century, a scientific understanding of caricature had formed, and it has remained virtually unchanged since then. In relation to the term “caricature” in the Soviet period, the key methodological principle is contextual analysis: a comparison of articles from three Great Soviet Encyclopedia editions in their historical and ideological dynamics allows us to identify how external political factors incorporated ideological dogmas into the definition of the concept. The particular difficulty of studying these concepts stems from their complex nature, which requires researchers to employ an interdisciplinary approach that integrates the insights of several humanities disciplines. The article demonstrates that the changing understanding of caricature in Soviet encyclopedias occurred against the backdrop of broader processes: the genre’s transformation from a “distortion of nature” into a powerful propaganda tool during the world wars, and its subsequent conceptualisation as a complex semiotic code during the communications boom of the 1950s–1980s. This perspective avoids oversimplification and integrates contextual analysis into the overall picture of the genre’s evolution.

Keywords: caricature, portrait caricature, genre, definition, terminological ambiguity, encyclopaedic editions, contextual analysis, interdisciplinary approach, semiotic code

For citation: Kogan, L.D. (2026) 'The terms of "caricature" and "portrait caricature" in their historical development (evidence from Russian encyclopedias of the late 19th to early 21st century)', *Iskusstvo Evrazii = The Art of Eurasia*, (2), pp. 298–309. doi:10.46748/ARTEURAS.2026.02.018.

Available from: <https://eurasia-art.ru/art/article/view/1282>. (In Russ.)

Введение

«Карикатура» и «шарж» являются смежными терминами, активно используемыми как в профессиональной научной среде, так и в общественном дискурсе. Однако до настоящего времени в специальной литературе сохраняются разночтения в их трактовке, что обусловлено длительной эволюцией обоих жанров.

Проблема разграничения карикатуры и шаржа лежит на стыке нескольких гуманитарных дисциплин — истории искусства (изучение визуальных форм и жанров), культурологии (рассмотрение социального и идеологического контекстов комического) и лингвистики (анализ терминологической семантики). Каждая из этих областей внесла существенный вклад в понимание явления. Категории комического и гротеска разрабатывались в классических трудах М.М. Бахтина (карнавальная культура, народная смеховая традиция) [1], Д.С. Лихачёва и А.М. Панченко (историческая поэтика смеха) [2], В.Я. Проппа (проблемы комизма и сатиры) [3]. Теоретические аспекты карикатуры как формы изобразительной сатиры освещались в работах Б.Р. Виппера [4], Г.Ю. Стернина [5], Л.Р. Варшавского [6], И.П. Абрамского [7]. Пародийная природа карикатуры, ее связь с литературными формами осмыслялась в трудах Ю.Н. Тынянова [8; 9], О.М. Фрейденберг [10–12], что позволяет рассматривать карикатуру не только как графический жанр, но и как особый способ художественной типизации, пересекающийся с приемами бурлеска, гротеска и иронии.

Вместе с тем, несмотря на обилие исследований, посвященных комическому в искусстве, терминологическая дифференциация между карикатурой и шаржем до сих пор остается не до конца проясненной. Энциклопедические издания, которые устанавливают нормативное, общепризнанное на момент публикации значение терминов, до настоящего времени не становились предметом специального системного анализа в данном аспекте. Отечественные энциклопедии конца XIX – начала XXI века дают уникальный материал для диахронического изучения. Эти издания отражают не только эволюцию научных представлений, но и влияние идеологических, политических, социокультурных факторов на формирование дефиниций.

Цель статьи — проследить сложный процесс формирования научных дефиниций терминов

«карикатура» и «шарж», а также выявить достоинства и недостатки существующих подходов к их определению. Основное внимание уделяется хронологической динамике: изменению содержания наполнения этих понятий на протяжении векового исторического этапа.

Научная новизна настоящего исследования заключается в нескольких положениях. Впервые проведен комплексный сравнительно-исторический анализ статей о карикатуре и шарже в ключевых российских энциклопедических изданиях, охватывающих более чем столетний период. Кроме того, впервые применен метод контекстуального анализа, позволяющий выявить зависимость дефиниций от идеологической конъюнктуры (в особенности в советский период, когда карикатура трактовалась как орудие классового боя). Также впервые предложено терминологическое разграничение «карикатурности» (способа типизации) и «карикатуры» (жанра), что уточняет концептуальный аппарат искусствоведения.

Источниковую базу исследования составили ключевые российские гуманитарные и общепрофессиональные энциклопедические издания конца XIX – начала XXI века. Выбор этих трудов в качестве основного материала объясняется тем, что энциклопедические словари фиксируют нормативное, устоявшееся на момент издания значение терминов, что позволяет наиболее объективно проследить эволюцию научной мысли. Дополнительно привлекаются труды известных деятелей науки и искусства, посвященные отдельным аспектам теории карикатуры.

Тем не менее следует признать, что энциклопедические определения отражают лишь усредненную норму. В реальной художественной практике границы между карикатурой и шаржем часто размываются: современные художники создают гибридные формы (сатирические шаржи, портретные карикатуры), не вписывающиеся в жесткие словарные рамки. Кроме того, энциклопедические статьи не учитывают технической специфики. Смысл образа трансформируется в зависимости от материала и техники (графика, цифровая иллюстрация, коллаж), а в самих дефинициях нередко смешиваются искусствоведческий, лингвистический и психологический подходы. В связи с этим дальнейшая перспектива исследования предполагает сочетание дефиниционного анализа

с искусствоведческими работами и эмпирическим изучением конкретных произведений, что позволит проследить, как термины «оживают» в художественной практике разных эпох.

В работе применяется комплексный подход, включающий общенаучные и конкретно-исторические *методы*. Основным является сравнительно-исторический метод, позволяющий проследить эволюцию дефиниций понятий «карикатура» и «шарж» в диахроническом срезе — от конца XIX к началу XXI века. Для выявления устойчивых признаков и вариативных характеристик терминов используется сравнительно-сопоставительный анализ энциклопедических статей. Дополнительно привлекаются контекстуальный и дискурс-анализ (при рассмотрении идеологической составляющей). Логика исследования строится на сочетании анализа (выделения ключевых элементов определений в каждой статье) и синтеза (обобщения полученных данных в единую картину развития терминосистемы). Методы индукции и абстрагирования применяются при формулировании итоговых выводов о закономерностях формирования научных представлений о карикатуре и шарже.

Анализ дефиниций терминов «карикатура» и «шарж»

Статья «Карикатура» в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона выделяется объемом — около семи страниц. Материал изложен очень разнообразно: рассматриваются тематика, стилистика, дается подробный исторический очерк. Карикатура трактуется чрезвычайно широко — как «рисунок или скульптурное произведение, имеющее целью осмеять кого-нибудь или какое-нибудь деяние, общественное событие, общественный строй и т.д.» [13, с. 494]. Автор статьи избегает догматизма, допуская возможность различных точек зрения (например, «вопрос о древности К. решается различно» [13, с. 494]).

Наиболее существенная часть статьи — исторический очерк. В нем сравнительно подробно освещена карикатура в Европе, Японии и России (последним двум регионам посвящены отдельные подразделы [13, с. 550–551]). Географическая широта дополняется видовым разнообразием: упоминаются произведения графики, скульптуры, декоративно-прикладного искусства (роспись, резьба). Прослеживается связь карикатуры с общественно-политической и культурной жизнью, а также с религией. Показано влияние исторических процессов на развитие карикатуры и, напротив, ее воздействие на общественную жизнь как инструмента социальной критики. Определяется время и место возникновения различных типов ироничных листов (политических, бытовых)

[13, с. 496]. В разделе о России происхождение отечественной карикатуры отнесено к допетровским временам [13, с. 550] — точка зрения, впоследствии оспаривавшаяся другими авторами.

Ключевое упущение этого текста, как и многих исследований, посвященных жанру, — недостаточное внимание к его стилистическим особенностям. Анализ визуального языка и художественных приемов остается за рамками рассмотрения, что обедняет интерпретацию материала. Имеющиеся замечания (например, классификация по степени сатирической остроты) недостаточно убедительны. К этому вопросу мы вернемся при рассмотрении статьи о шарже в той же энциклопедии, где эта проблема освещается иначе.

Статья в энциклопедии Брокгауза и Ефрона сохраняет научную ценность благодаря обширному историческому материалу, представленному в широком культурном контексте. Однако теоретическая часть, касающаяся стилистики и типологии карикатуры, разработана слабо.

В статье «Карикатура» Энциклопедического словаря Гранат вопросы стилистики также не рассматриваются. Объем текста меньше (три страницы убористого шрифта), однако содержание достаточно информативно. Карикатура определяется как «изображение, в котором отдельные черты подчеркнуты и преувеличены, чтобы выпукло показать характерное и осмеять» [14, стб. 2]. Пока определение носит общий характер.

Исторический очерк менее подробен, чем в предыдущей энциклопедии. Но он содержит новые существенные сведения: например, указание на то, что первый политический журнал карикатур появился в Голландии в XVII веке. Важное дополнение — подборка из одиннадцати страниц иллюстраций, включающая ключевые произведения, определившие пути развития жанра. Хотя сегодня не все эти изображения могут быть однозначно отнесены к карикатуре (например, «Изгнание торгующих из храма» Л. Кранаха), иллюстративный материал представляет самостоятельную научную ценность.

Эта публикация, уступая предшествующей в полноте исторического обзора, выигрывает за счет визуального ряда и отдельных фактологических дополнений. Теоретическая разработка понятия остается на начальном уровне.

В статье В. Дынника (Литературная энциклопедия) карикатура трактуется столь же широко: «изображение какого-либо явления в смешном, нелепом виде путем намеренного искажения воспроизводимого материала, подчеркнутого нарушения привычных соотношений» [15, стб. 124]. Также впервые оговаривается, что термин «карикатура» применим ко всем искусствам, хотя наиболее отчетливо он проявляется в изобразительном творчестве [15, стб. 124].

Наибольшую ценность представляет четырехчастная классификация карикатуры, не утратившая актуальности до нашего времени. Выделяются следующие типы: гипербола, комическая схематизация (с вариантами — реализованная метафора и экземплификация) и комическое отстранение [15, стб. 124–125].

Дискуссионным представляется разграничение карикатуры и пародии. Автор утверждает, что карикатура отличается от пародии лишь предметом изображения и, по сути, может считаться пародией на изображаемый объект [15, стб. 125–126]. Более обоснованным видится иной подход: карикатуру можно рассматривать как разновидность пародии в тех случаях, когда объектом осмеяния выступают явления культуры (стиль жизни, идеи). В случаях безобидного, «дружеского» вышучивания (например, дружеский шарж) корректнее говорить только о карикатуре.

Этот текст вносит существенный вклад в теоретическое осмысление карикатуры, предлагая развернутую классификацию. Вопрос о соотношении карикатуры и пародии остается открытым для дальнейшей дискуссии.

Анализ статей о карикатуре в трех изданиях Большой советской энциклопедии позволяет проследить эволюцию не только самого понятия, но и идеологического контекста его интерпретации. Именно контекстуальный анализ советских изданий становится здесь ключевым, формирующим сам смысл теории: дефиниция карикатуры выводится не из имманентных закономерностей жанра, а подчиняется политической доктрине, которая менялась от издания к изданию. Понимание места и роли советской карикатуры проясняет особенности осмысления этого жанра в БСЭ.

Сравнение трех изданий БСЭ раскрывает, как смена идеологических установок (от революционного пафоса 1930-х к бюрократической нормативности 1950-х и, наконец, к попытке идеологизации в 1970-е) непосредственно трансформировала научное определение, встраивая в него догмы советизма.

Первое издание (1930-е годы). Определение карикатуры в этот период традиционно. Так именуется художественный прием, характеризующийся тем, что представлены «изображение сцен или отдельных лиц, в которых характерные черты намеренно подчеркнуты» [16, стб. 547]. Но принципиально новое — акцент на общественно-политической роли жанра: карикатура трактуется как «оружие политической, классовой борьбы» [16, стб. 547]. Идея активного воздействия карикатуры на общество, намеченная в дореволюционных энциклопедиях, здесь приобретает ярко выраженный классовый характер. Ныне история жанра рассматривается сквозь призму борьбы

угнетенных слоев за свои права. Появление карикатуры в России теперь относится к XVIII веку [16, стб. 550], что расходится с мнением авторов энциклопедии Брокгауза и Ефрона. Выделены три этапа подъема отечественного варианта жанра: 1840–1860-е годы, период 1905–1917 годов и советская эпоха [16, стб. 550–551]. Центральная идея статьи — утверждение карикатуры как важнейшего идейного оружия, служащего делу мировой революции и укреплению влияния СССР.

Трактовка карикатуры как средства идеологической борьбы закономерна, более того, неизбежно привела к повышению ее институционального статуса в советской культуре. Жанр получил широкое распространение: карикатуры регулярно публиковались в периодической печати, к работе в этой области привлекались крупные художники, проводились специализированные выставки, издавались тематические сборники и исследования. Если в дореволюционной России карикатура находилась на периферии академического искусства, то в СССР она стала активнейшим и полноправным участником культурного процесса — росло число профессиональных карикатуристов, появлялись специализированные издания («Крокодил», «Безбожник» и др.), жанр включали в систему художественного образования.

Но у этой институционализации была и обратная сторона. Карикатура оказалась включена в систему государственного заказа и идеологического контроля. Художники работали в условиях жесткой цензуры, а их произведения использовались как инструмент пропаганды, направленный против «врагов» советской власти. Высокий статус жанра достигался ценой утраты творческой самостоятельности: карикатуристы были обязаны следовать партийным директивам, тематика и стилистика их работ жестко регламентировались.

Контраст с дореволюционным периодом показателен. В России XIX века низкий статус ироничных листов определялся как иерархией жанров в академическом искусстве, так и невысоким художественным уровнем массовой продукции. Крупные мастера нередко избегали работы в этом жанре, считая его недостойным серьезного художника. М.В. Добужинский писал: «рисовать карикатуры и опять иметь дело с пошлыми юмористическими журналами... мне представлялось каким-то позором» [17, с. 173]. В.В. Стасов резко критиковал стремление П.А. Федотова издавать сатирический журнал и рисовать для него карикатуры, видя в этом «гибель настоящего художественного направления» [18, стб. 500]. Эти высказывания отражают отношение академической среды к карикатуре как к занятию, недостойному «высокого» искусства.

Цена, которую жанр заплатил за обретение высокого официального статуса, оказалась непомерно высокой. Включенная в систему государственного заказа, советская карикатура утратила автономию, присущую дореволюционному сатирическому творчеству. Если для дореволюционной карикатуры проблемой были низкий художественный уровень и дурновкусие массовой продукции, то в советский период дискредитация носила иной характер: при внешней профессиональной состоятельности и участии крупных мастеров карикатура утратила творческую самостоятельность, оказавшись в функциональной зависимости от политической конъюнктуры. В советской культуре сложилась ситуация двойственности: высокий институциональный статус, широкое распространение и вовлеченность талантливых художников сочетались с жесткой идеологической регламентацией и превращением в инструмент официальной пропаганды.

Статья в первом издании БСЭ фиксирует резкую идеологизацию понятия карикатуры, рассматриваемой в контексте классово-борьбы. Исторический очерк содержит ценные наблюдения, но подчинен пропагандистской задаче. Параллельно с официальным признанием жанра происходит его жесткая регламентация, и это резко контрастирует с маргинальным положением карикатуры в дореволюционной России.

Во втором издании БСЭ впервые проводится различие между карикатурой в широком и узком смысле. В узком (первоначальном) значении — это художественный прием, основанный на преувеличении и искажении с целью создания комического эффекта. В широком смысле карикатура представляет собой сатирическое или юмористическое изображение, дающее критическую оценку общественно-политическим и бытовым явлениям [19, с. 201]. Развитие жанра в СССР, рост его статуса приводят к дифференциации: выделяются «предварительные» комедийные формы и произведения, несущие серьезную идейно-политическую нагрузку. Это разделение фактически формулирует нормативное требование к советской карикатуре. В связи с этим ироничные листы, созданные до эпохи Возрождения, предлагается именовать «отдельными элементами К.» [19, с. 202]. Становление карикатуры как жанра связывается с антифеодальными движениями в Европе. Исторический раздел дополняет и уточняет текст первого издания.

В период между первым и вторым изданиями БСЭ произошли существенные изменения в общественно-политической и идеологической сферах. Пафосная, «митинговая» риторика, характерная для первого издания и воспевавшая карикатуру как орудие мировой революции, уступила

место более сдержанному, официально-деловому стилю. Во втором издании та же идея классово-борьбы и агитационной роли карикатуры выражена лаконичнее, даже суше, что отражает общую эволюцию советского идеологического дискурса в сторону бюрократической нормативности. Эмоциональная революционная риторика сменилась деловитостью изложения, характерной для послевоенного периода, когда задачи строительства социализма требовали не столько революционного энтузиазма, сколько планомерной организационной работы.

Публикация также важна терминологическим уточнением (разведение широкого и узкого понимания карикатуры) и тем, что отражает изменение идеологического климата в сторону большей формализации и регламентации, проявляющейся в трансформации стиля изложения.

Третье издание (1970-е годы). Автор статьи — известный искусствовед и культуролог Г.Ю. Стернин, что обусловило более высокий научный уровень осмысления явления. Карикатура определяется им на трех взаимосвязанных уровнях. Первый — способ художественной типизации, использующий средства шаржа и гротеска для критического преувеличения негативных сторон явлений или лиц [20, с. 426]. Второй — карикатура в широком смысле — «всякое изображение, где сознательно создается комич. эффект, соединяются реальное и фантастическое, преувеличиваются и заостряются характерные черты». [20, с. 427]. И третий — карикатура-жанр, обладающий «ясной идейной социально-критической направленностью» [20, с. 427].

При таком подходе собственно жанром карикатуры признаются лишь произведения с явной идейной, социально-критической нагрузкой. В результате значительная область юмористической, бытовой и «дружеской» карикатуры (включая многие шаржи) выпадает из жанрового определения, что не соответствует ни исторической практике, ни интуитивному пониманию жанра.

Кроме того, у Стернина не проводится четкого терминологического разграничения между карикатурой как способом типизации (использование карикатурных методов в произведениях других жанров) и карикатурой как жанром. Для большей точности в настоящей работе предлагается именовать способ типизации «карикатурностью», оставляя термин «карикатура» за жанром как таковым.

Дискуссионным представляется и отнесение возникновения жанра к XVI веку — тезис, впервые появившийся во втором издании БСЭ. Скорее можно говорить о становлении карикатуры в этот период, но не о ее окончательном оформлении.

Важное достоинство исследования — рассмотрение карикатуры в теоретическом и историческом

аспектах в широком контексте искусства и общественной жизни. В частности, справедливо указано, что карикатура «может быть сопоставлена с карнавальным действием, театром буффонадой, лит. бурлеском и эпиграммой» [20, с. 426]. Отмечено, что ироничный жанр тесно связан со стилистикой искусства своего времени [20, с. 427] и способствует его сближению с актуальными проблемами современности: «К. представляет те стороны иск-ва своей эпохи, к-рые наиболее прямо обращены к социальной злобе дня; этим она воздействует и на общее развитие иск-ва, способствуя его сближению с острыми обществ. проблемами» [20, с. 427].

По сравнению со вторым изданием исторический раздел сокращен, но теоретическая часть стала более глубокой. Работа Стернина знаменует поворот от идеологизированной трактовки жанра к собственно искусствоведческому анализу. Несмотря на отдельные спорные положения (вопрос о терминологическом разграничении карикатуры и карикатурности), она представляет собой наиболее фундаментальное исследование карикатуры в советской энциклопедической традиции.

Статья о карикатуре в Популярной художественной энциклопедии представляет собой сокращенный вариант статьи Стернина из третьего издания БСЭ, выпущенный, однако, без указания авторства [21]. Сокращения коснулись как теоретической, так и исторической части, что трудно объяснить логикой специализированного искусствоведческого издания — здесь следовало бы ожидать расширения материала. Вместе с тем увеличено количество иллюстраций, проведена небольшая стилистическая правка.

Текст компилятивен и, несмотря на адаптацию для массового читателя, уступает первоисточнику в полноте анализа.

Эволюция дефиниций карикатуры в советских энциклопедиях, рассмотренная через призму идеологического контекста, не может быть понята вне глобальных трансформаций самого жанра в XX столетии. Если в XVIII–XIX веках карикатура осмыслялась преимущественно как «искажение природы», комическое преувеличение, то в XX веке она без преувеличения обретает статус мощного социально-политического инструмента и особого языка коммуникации. Этот сдвиг был обусловлен крупными историческими и научными изменениями. В период мировых потрясений (1914–1945) этот жанр перестает быть «забавной картинкой» и становится государственным оружием. Первая и Вторая мировые войны превратили его в обязательный элемент пропаганды. В СССР (Окна РОСТА, Кукурыниксы), Германии и других странах карикатура использовалась для дегуманизации врага и мобилизации масс. Теоретическим фундаментом

этого этапа послужили первые серьезные исследования массовой психологии и пропаганды (в частности, работы Г. Лассуэлла 1920–1930-х годов [22]). Второй период — «коммуникативный бум» 1950–1980-х годов — связан с взрывным развитием теорий коммуникации и семиотики. Карикатуру начинают анализировать как сложный семиотический код, «визуальный текст» (Р. Барт [23], У. Эко [24]), в котором один символ способен заменить развернутое высказывание. В контексте холодной войны, студенческих протестов 1960-х годов ироничный жанр становится языком контркультуры. Исследования прагматики и контекста (включая работы Франкфуртской школы) акцентируют его диалогическую природу, требующую от зрителя владения общим культурным кодом. Таким образом, встраивание идеологических догм в советские энциклопедические определения карикатуры происходило не в изоляции, а на фоне глобальной переоценки возможностей жанра, что делает контекстуальный анализ особенно значимым.

Статья в Большой российской энциклопедии (БРЭ) [25] в ряде аспектов представляется более удачной, чем сведения, содержащиеся в БСЭ. В ней отсутствует жесткое деление, предложенное Г.Ю. Стерниным (карикатурность — карикатура в широком смысле — карикатура-жанр). Это позволяет включить в объем понятия все разновидности карикатуры, включая юмористические и бытовые, которые у Стернина не подпадали под категорию «жанр». Однако вместе с тем из определения исчезает и различие между карикатурностью как приемом и карикатурой как жанром, что снижает терминологическую точность.

Расширен контекст бытования жанра: упоминаются не только плакат и журнальная графика, но и сатирическая иллюстрация, поп-арт. Справедливо уточняется, что к XVI веку относится не возникновение, а становление карикатуры [25, с. 155]. Раздел о зарубежной карикатуре по существу повторяет статью Стернина, что свидетельствует о сохранении ее научной значимости.

Некоторые сокращения вызывают сожаление: отсутствует анализ карикатуры как способа типизации, не обсуждается время возникновения жанра.

Статья БРЭ фиксирует отход от жестких терминологических схем, свойственных советским изданиям, но проигрывает в теоретической глубине. В целом понимание жанра стало более объективным, но и более поверхностным по сравнению с БСЭ.

Представление о шарже в энциклопедической традиции складывалось менее противоречиво, хотя и здесь встречаются разночтения.

В тексте «Карикатура» (энциклопедия Брокгауза и Ефрона) шарж определяется как первая,

наименьшая степень комического, основанная на усилении физических недостатков изображаемого лица [13, с. 494]. Эта классификация (шарж — юмор — сатира) сегодня представляется устаревшей: современная типология комического оперирует иными категориями (юмор, ирония, сатира, гротеск). Однако в отдельной статье, посвященной шаржу, дается иное определение: «изображение действительности, преувеличенное до неправдоподобия с комическими целями <...> шарж может быть назван стилизацией действительности, ее ирреальным, но по-своему законосообразным воплощением» [26].

Формулировка эта, по сути, уже современна. Однако в ней встречается расплывчатое и неточное применение термина «стилизация». Если понимать под таковым упрощение, схематизацию и деформацию, то эту терминологию можно признать оправданной, так как шарж действительно упрощает и заостряет формы. Но стилизация также предполагает подражание какому-либо стилю, что к шаржу относится лишь косвенно.

Существенно, что в статье формулируется тезис о сущностной закономерности ирреального в шарже: его внешняя фантастичность обусловлена передачей примет конкретной реальности, хотя и трансформированной в соответствии с законами карикатуры. Это наблюдение может и должно быть распространено на жанр карикатуры в целом.

Важно и то, что определение шаржа дано в общих чертах. В нем еще не акцентируется, что речь идет в первую очередь об изображении человека. Кроме того, в статье приводится ряд характеристик, которые в равной степени могут быть отнесены и к карикатуре вообще, что свидетельствует о недостаточной терминологической дифференциации на данном этапе.

В конце статьи к месту дано замечание, что шаржем также именуют «с оттенком неодобрения — всякое, особенно в комическом роде художественное преувеличение, свидетельствующее об отсутствии чувства меры» [26]. Указание на бытовое, оценочное употребление термина представляет самостоятельный интерес, фиксируя его амбивалентность в языковой практике.

В энциклопедии Брокгауза и Ефрона сосуществуют противоречивые трактовки: узкая (как сдержанная степень комического в статье о карикатуре) и более широкая, близкая к современной (в специальной статье о шарже). При этом последняя, хотя и закладывает основы научного понимания, сохраняет известную общность и терминологическую неопределенность. В отличие от карикатуры, основные контуры современного определения шаржа были намечены уже в начале XX века, хотя и в самых общих чертах.

В Энциклопедическом словаре Гранат определение становится более четким: «намеренное преувеличение в рисунке (графическом, живописном, литературном, сценическом и т.п.) некоторых сторон изображаемого оригинала с целью осмеяния или — реже — с целью только комического эффекта. <...> предметом шаржа чаще всего является единичное лицо» [27]. Это определение по существу соответствует современному научному уровню. Важно, что автор распространяет понятие на разные виды искусства и отмечает способность шаржа приобретать символическое значение, поднимаясь до уровня социальной сатиры (например, шаржи на Наполеона или политических деятелей XX века) [12].

В тексте В. Дынника (Литературная энциклопедия) встречается менее убедительная трактовка: шарж определяется как «особенно резкая карикатура» [15, стб. 124], что противоречит более распространенному пониманию шаржа как изображения конкретного лица.

В первом издании БСЭ шарж определяется как разновидность карикатуры, преимущественно портретной: «рисунок, в котором характерные черты изображаемого предмета, в целях комического или сатирического воздействия на зрителя, неправдоподобно преувеличены и карикатурно изменены» [28, стб. 547]. Определение лаконично и в целом верно. Во втором издании оно дополняется важными наблюдениями: отмечается такой характерный прием, как уподобление человека животным или предметам, выделяются разные степени комического, называются имена крупных мастеров шаржа [29, с. 531–532]. Это представление соответствует современным научным требованиям и подробно раскрывает предмет. Таким образом, именно во втором издании БСЭ сложилось то развернутое научное представление о шарже, которое в дальнейшем лишь воспроизводилось в более краткой форме. Третье издание БСЭ [30] и последующие энциклопедии воспроизводят эти формулировки в более или менее сокращенном виде. Без упоминания литературных примеров такая характеристика почти повторяется во втором томе «Популярной художественной энциклопедии» [31]. Эта формулировка немного лаконичнее повторяется в статье о шарже в семнадцатом томе БРЭ [32].

Выводы

Итоги научного осмысления взаимосвязанных терминов «карикатура» и «шарж» в отечественных энциклопедических изданиях конца XIX – начала XXI века таковы.

Путь обретения современного представления о карикатуре был долгим и сложным. В дореволюционных энциклопедиях (Брокгауз и Ефрон,

Гранат) преобладало широкое, но описательное понимание карикатуры как всякого осмеивающего изображения, основной акцент делался на историческом материале. В советское время аналитика статей усиливалась, но это сопровождалось жесткой идеологизацией трактовки жанра: карикатура осмыслялась как орудие классово-борьбы, что привело, с одной стороны, к повышению ее официального статуса, с другой — к функциональному сужению, включению в систему государственного заказа и идеологического контроля. Контекстуальный анализ трех изданий БСЭ показывает, что изменения дефиниции определялись не столько накоплением искусствоведческого знания, сколько сменой идеологической конъюнктуры: понятие «карикатура» в каждом издании конструировалось в соответствии с актуальными политическими задачами — от агитационного оружия мировой революции (1930-е) через бюрократическую регламентацию (1950-е) до попытки деидеологизации в искусствоведческом ключе (1970-е). Высокий статус и широкая представленность жанра в советской культуре сочетались с утратой творческой самостоятельности и превращением карикатуры в инструмент пропаганды. Трансформация риторики от первого ко второму изданию БСЭ отразила эволюцию советского дискурса — от революционного пафоса к бюрократической нормативности.

Лишь в третьем издании БСЭ намечился поворот к собственно искусствоведческому анализу, а в начале XXI века в БРЭ сформулировано представление о термине, в целом соответствующее современным научным требованиям. Однако в БРЭ была утрачена созданная Стерниным аналитическая структура, различавшая карикатурность (способ типизации), карикатуру в широком смысле и карикатуру как идейный жанр. Это сделало определение более широким и инклюзивным, но одновременно менее точным, поскольку исчезло разграничение между собственно карикатурой и карикатурностью как приемом. При этом разделы, посвященные стилистике, в разных изданиях чрезвычайно вариативны: в одних случаях они обширны (начало XX века, БРЭ), в других сведены к минимуму. Исторические разделы с течением времени, как правило, сокращались. В силу этих причин невозможно выделить какую-либо одну статью о карикатуре и назвать ее однозначно лучшей — каждое издание имеет свои достоинства и недостатки, но работа Стернина выделяется теоретической глубиной.

Иная картина сложилась с термином «шарж». В отличие от карикатуры, первые формулировки, близкие к современному пониманию шаржа, появились уже в начале XX века (в специальной статье энциклопедии Брокгауза и Ефрона, в Энциклопедическом словаре Гранат). Однако они

были еще общими, а нередко и противоречивыми (в одной и той же энциклопедии могли сосуществовать разные трактовки). К середине XX века (во втором издании БСЭ) сложилось развернутое научное представление о шарже, которое с тех пор не претерпело существенных изменений.

Последующие издания (третье издание БСЭ, Популярная художественная энциклопедия, БРЭ) воспроизводят эту дефиницию в более или менее сокращенном виде, дополняя отдельными наблюдениями (например, о приемах уподобления человека животным или предметам), но не пересматривая ее концептуально.

Отдельно нужно выделить проблему жанровой специфики карикатуры. Анализ статей выявляет пробел: в них не показана эта специфика, не сводимая ни к тематике, ни к стилистике. Эта особенность связана с особым, пародийным характером карикатуры, который лишь эпизодически затрагивается в энциклопедических статьях (например, у Г.Ю. Стернина упоминается связь с бурлеском). Между тем проблема пародии глубоко разработана в трудах крупнейших ученых — Ю.Н. Тынянова, О.М. Фрейденберг и др., — чьи идеи могли бы быть продуктивно применены к анализу карикатуры. Отсутствие этого ракурса обедняет понимание жанра, сводя его либо к тематическому репертуару, либо к набору формальных приемов.

Существенна и проблема субъективной природы жанра. Проведенный анализ выявляет еще один пробел в энциклопедической традиции: отсутствие рефлексии по поводу субъективной природы жанра и его зависимости от социального контекста. В особенности это касается общественно-политической разновидности карикатуры. Создание произведений жанра нередко обусловлено не только художественным видением автора, но и интересами крупных социально-политических сил. В подобных случаях художник выступает как исполнитель социального заказа. Пик этой зависимости пришелся на советский период, однако она всегда была имманентным свойством карикатуры, коренящимся в самой природе жанра, ориентированного на злободневность и публичную полемику. Субъективность и зависимость от заказчика — неотъемлемое свойство жанра, трагически актуализирующееся во времена жесткой несвободы. Энциклопедические статьи, как правило, обходят эту проблему стороной, сосредотачиваясь либо на формальных характеристиках, либо на идеологически выверенной трактовке общественной роли карикатуры.

Сложность изучения карикатуры связана с комплексным, междисциплинарным характером самого явления. Для полноценного искусствоведческого анализа необходима серьезная междисциплинарная подготовка: исследователь

должен владеть профессией историка искусства, быть компетентным в той области знания, к которой обращается карикатура (история, политика, бытовая культура), разбираться в такой специфической сфере гуманитарного знания, как теория пародии, и обладать широким культурологическим кругозором. Именно поэтому научных работ, посвященных карикатуре, сравнительно немного. В большинстве случаев исследователи уделяют внимание либо только тематике (историки), либо сочетанию тематики и стилистики (искусствоведы). Специфические средства пародирования, присущие карикатуре, сущность ее художественного образа, как правило, ускользают от внимания. От этого основная масса историков искусства далека, поскольку в художественных вузах данная проблематика не входит в обязательные программы обучения.

Трансформация термина «карикатура» в отечественных энциклопедиях XX века была частью глобальной перестройки жанра: от понимания его как «искажения природы» (XVIII–XIX вв.) к осознанию в качестве инструмента пропаганды и языка социальной критики в периоды мировых войн,

а затем — к трактовке как сложного семиотического кода в эпоху коммуникативного бума 1950–1980-х годов. Таким образом, контекстуальный анализ советских статей, предложенный в настоящей работе, выявляет не только очевидную идеологическую детерминацию, но и включенность отечественной терминологической традиции в общеевропейские процессы переосмысления природы карикатуры.

Дальнейшая перспектива исследования видится в сочетании дефиниционного анализа словарных статей с искусствоведческими работами и эмпирическим изучением конкретных произведений. Это позволит проследить, как термины «оживают» в художественной практике разных эпох.

Исследование показало: термины бытуют давно, но научно они до сих пор не осмыслены до конца. Если в отношении шаржа к середине XX века сложилось относительно устойчивое определение, то понимание карикатуры продолжает эволюционировать, сталкиваясь с необходимостью учета как ее исторических трансформаций, так и сложной жанровой природы, требующей междисциплинарного подхода.

Список источников

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1965. 527 с.
2. Лихачёв Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. 295 с.
3. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. М.: Искусство, 1976. 183 с.
4. Виппер Б.Р. Статьи об искусстве. М.: Искусство, 1970. 591 с.
5. Стернин Г.Ю. Очерки русской сатирической графики. М.: Искусство, 1964. 215 с.
6. Варшавский Л.Р. Русская карикатура 40–50-х годов XIX века. М.; Л: Изогиз, 1937. 152 с.
7. Абрамский И.П. Смех сильных. О художниках журнала «Крокодил». М.: Искусство, 1977. 320 с.
8. Тынянов Ю.Н. Достоевский и Гоголь (к теории пародии) // Тынянов Ю.Н. Литературная эволюция: Избранные труды. М.: Аграф, 2002. С. 300–339.
9. Тынянов Ю.Н. О пародии // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 284–309.
10. Фрейденберг О.М. Въезд в Иерусалим на осле (из евангельской мифологии) // Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М.: Восточная литература РАН, 1998. С. 623–665. (Исследования по фольклору и мифологии Востока).
11. Фрейденберг О.М. Идея пародии (набросок к работе). Публикация С.А. Троицкого // Вече. 2006. № 17. С. 228–240.
12. Фрейденберг О.М. Происхождение литературной интриги. Публикация Ю.М. Лотмана // Труды по знаковым системам. Вып. VI / отв. ред. Ю.М. Лотман. Тарту: Тартуский государственный университет, 1973. С. 497–512. (Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 308).
13. Петрушевский Ф. Карикатура // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в XLIII т. / под ред. И.Е. Андреевского, К.К. Арсеньева и Ф.Ф. Петрушевского. СПб.: Типо-литография И.А. Ефрона, 1895. Т. XIV А. С. 494–501.
14. Тарасов Н. Карикатура // Энциклопедический словарь Товарищества А. и И. Гранат и К. : в 59 т. : 7-е изд. / под. ред. Ю.С. Гамбарова и др. М.: Главная контора Т-ва А. и И. Гранат и К., 1914. Т. 23. Приложение. Стб. 1–6, 11 таблиц.

15. Дынник В. Карикатура // Литературная энциклопедия : в 11 т. / ред. колл. П.И. Лебедев-Полянский и др. М.: Издательство коммунистической академии, 1931. Т. 5. Стб. 124–127.
16. В. Л. Карикатура // Большая советская энциклопедия : в 66 т. : 1-е изд. / гл. ред. О.Ю. Шмидт. М.: Государственный институт «Советская энциклопедия»; ОГИЗ, 1937. Т. 31. Стб. 547–552.
17. Добужинский М.В. Воспоминания. М.: Наука, 1987. 477 с. (Литературные памятники).
18. Стасов В.В. Двадцать пять лет русского искусства // Стасов В.В. Собрание сочинений : в 3 т. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1894. Т. 1. Стб. 493–698.
19. Карикатура // Большая советская энциклопедия : в 51 т. : 2-е изд. / гл. ред. Б.А. Введенский. М.: Большая советская энциклопедия, 1953. Т. 20. С. 201–205.
20. Стернин Г.Ю. Карикатура // Большая советская энциклопедия : в 30 т. : 3-е изд. / гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1973. Т. 11. С. 426–428.
21. Карикатура // Популярная художественная энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. В.М. Полевой. М.: Советская энциклопедия, 1986. Т. 1. С. 311–313.
22. Lasswell H.D. Propaganda technique in the World war. London: K. Paul, Trench, Trubner & Co., 1927. 233 p.
23. Barthes R. Mythologies. Paris: Éditions du Seuil, 1957. 241 p.
24. Eco U. La struttura assente: La ricerca semiotica e il metodo strutturale. Milano: Bompiani, 1968. 464 p.
25. Карикатура // Большая российская энциклопедия : в 36 т. / отв. ред. Ю.С. Осипов. М.: Научное издательство «Большая российская энциклопедия», 2008. Т. 13. С. 155–156.
26. Шарж // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в XLIII т. / под ред. И.Е. Андреевского, К.К. Арсеньева и Ф.Ф. Петрушевского. СПб.: Типо-литография И.А. Ефрона, 1903. Т. XXXIX. С. 176.
27. Шарж // Энциклопедический словарь Товарищества А. и И. Гранат и К. : в 59 т. : 7-е изд. / под ред. В.Я. Железнова и др. М.: Русский библиографический институт Гранат, 1926. Т. 49. Стб. 97–98.
28. Шарж // Большая советская энциклопедия : в 66 т. : 1-е изд. / гл. ред. О.Ю. Шмидт. М.: Государственный институт «Советская энциклопедия»; ОГИЗ, 1934. Т. 61. Стб. 851–852.
29. Шарж // Большая советская энциклопедия : в 51 т. : 2 -е изд. / гл. ред. Б.А. Введенский. М.: Большая советская энциклопедия, 1957. Т. 47. С. 531–532.
30. Шарж // Большая советская энциклопедия : в 30 т. : 3-е изд. / гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1978. Т. 29. С. 290.
31. Шарж // Популярная художественная энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. В.М. Полевой. М.: Советская энциклопедия, 1986. Т. 2. С. 387.
32. Шарж // Большая российская энциклопедия : в 36 т. М.: Научное издательство «Большая российская энциклопедия», 2017. Т. 34. С. 697.

References

1. Bakhtin, M.M. (1965) *Rabelais and his world*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.)
2. Likhachev, D.S., Panchenko, A.M. and Ponyrko, N.V. (1984) *Laughter in Ancient Russia*. Leningrad: Nauka. (In Russ.)
3. Propp, V.Y. (1976) *Problems of comism and laughter*. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
4. Vipper, B.R. (1970) *Essays on art*. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
5. Sternin, G.Y. (1964) *Essays on Russian satirical graphics*. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
6. Varshavsky, L.R. (1937) *Russian caricature of the 40–50s of the 19th century*. Moscow and Leningrad: Izogiz. (In Russ.)
7. Abramsky, I.P. (1977) *Laughter of the strong. About the artists of the “Krokodil” magazine*. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
8. Tynyanov, Y.N. (2002) ‘Dostoevsky and Gogol (towards a theory of parody)’, in Tynyanov, Y.N. *Literary evolution: Selected works*. Moscow: Agraf, pp. 300–339. (In Russ.)
9. Tynyanov, Y.N. (1977) ‘On parody’, in Tynyanov, Y.N. *Poetics. History of literature. Cinema*. Moscow: Nauka, pp. 284–309. (In Russ.)
10. Freidenberg, O.M. (1998) ‘Entry into Jerusalem on a donkey (from Gospel mythology)’, in Freidenberg, O.M. *Myth and literature of antiquity*. Moscow: Vostochnaya literatura RAN, pp. 623–665. (In Russ.)
11. Freidenberg, O.M. (2006) ‘The idea of parody (sketch for a work)’, *Veche*, (17), pp. 228–240. (In Russ.)
12. Freidenberg, O.M. (1973) ‘The origin of literary intrigue. Published by Yu.M. Lotman’, in Lotman, Yu.M. (ed.) *Sign Systems Studies. Issue. VI*. Tartu: Tartu State University, pp. 497–512. (In Russ.)

13. Petrushevsky, F. (1895) 'Caricature', in *Brockhaus and Efron encyclopedic dictionary*: in XLIII vols. Saint Petersburg: Typo-Lithography of I.A. Efron, Vol. XIV A, pp. 494–501. (In Russ.)
14. Tarasov, N. (1914) 'Caricature', in *Encyclopedic dictionary of the A. and I. Granat and Co. Partnership*: in 59 vols.: 7th ed. Moscow: Main Office of the A. and I. Granat and Co. Partnership, Vol. 23. Appendix, cols. 1–6, 11 tables. (In Russ.)
15. Dynnik, V. (1931) 'Caricature', in Lebedev-Polyansky, P.I. et al. (eds.) *Literary encyclopedia*: in 11 vols. Moscow: Publishing House of the Communist Academy, Vol. 5, cols. 124–127. (In Russ.)
16. V. L. (1937) 'Caricature', in *Great Soviet encyclopedia*: in 66 vols., 1st ed. Moscow: State Institute "Soviet Encyclopedia"; OGIz, Vol. 31, cols. 547–552. (In Russ.)
17. Dobuzhinsky, M.V. (1987) *Memoirs*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
18. Stasov, V.V. (1894) 'Twenty-five years of Russian art', in Stasov, V.V. *Collected works*: in 3 vols. Saint Petersburg: Printing House of M.M. Stasyulevich, Vol. 1, cols. 493–698. (In Russ.)
19. Anon. (1953) 'Caricature', in *Great Soviet encyclopedia*: in 51 vols., 2nd ed. Moscow: Bolshaya sovetskaya entsiklopediya, Vol. 20, pp. 201–205. (In Russ.)
20. Sternin, G.Y. (1973) 'Caricature', in *Great Soviet encyclopedia*: in 30 vols., 3rd ed. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, Vol. 11, pp. 426–428. (In Russ.)
21. Anon. (1986) 'Caricature', in *Popular art encyclopedia*: in 2 vols. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, Vol. 1, pp. 311–313. (In Russ.)
22. Lasswell, H.D. (1927) *Propaganda technique in the World war*. London: K. Paul, Trench, Trubner & Co.
23. Barthes, R. (1957) *Mythologies*. Paris: Éditions du Seuil. (In French)
24. Eco, U. (1968) *La struttura assente: La ricerca semiotica e il metodo strutturale*. Milano: Bompiani. (In Ital.)
25. Anon. (2008) 'Caricature', in *Great Russian encyclopedia*: in 36 vols. Moscow: Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya, Vol. 13, pp. 155–156. (In Russ.)
26. Anon. (1903) 'Portrait caricature', in *Brockhaus and Efron encyclopedic dictionary*: in XLIII vols. Saint Petersburg: Typo-Lithography of I.A. Efron, Vol. XXXIX, p. 176. (In Russ.)
27. Anon. (1926) 'Portrait caricature', in *Encyclopedic dictionary of the A. and I. Granat and Co. Partnership*: in 59 vols., 7th ed. Moscow: Russian Bibliographical Institute Granat, Vol. 49, cols. 97–98. (In Russ.)
28. Anon. (1934) 'Portrait caricature', in *Great Soviet encyclopedia*: in 66 vols., 1st ed. Moscow: State Institute "Soviet Encyclopedia"; OGIz, Vol. 61, cols. 851–852. (In Russ.)
29. Anon. (1957) 'Portrait caricature', in *Great Soviet encyclopedia*: in 51 vols., 2nd ed. Moscow: Bolshaya sovetskaya entsiklopediya, Vol. 47, pp. 531–532. (In Russ.)
30. Anon. (1978) 'Portrait caricature', in *Great Soviet encyclopedia*: in 30 vols., 3rd ed. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, Vol. 29, p. 290. (In Russ.)
31. Anon. (1986) 'Portrait caricature', in *Popular art encyclopedia*: in 2 vols. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, Vol. 2, p. 387. (In Russ.)
32. Anon. (2017) 'Portrait caricature', in *Great Russian encyclopedia*: in 36 vols. Moscow: Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya, Vol. 34, p. 697. (In Russ.)

Информация об авторе

Коган Лев Дмитриевич, кандидат искусствоведения, Академия Русского балета имени А.Я. Вагановой, Санкт-Петербург, Российская Федерация, levkoganspb@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2887-3981>, SPIN-код (Science Index): 2860-5850.

Information about the author

Lev Dmitrievich Kogan, Cand. Sc. (Art History), Vaganova Academy of Russian Ballet, Saint Petersburg, Russian Federation, levkoganspb@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2887-3981>, SPIN-code (Science Index): 2860-5850.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 25.03.2026; одобрена после рецензирования 06.05.2026; принята к публикации 07.05.2026.

The article was received by the editorial board on 25 March 2026; approved after reviewing on 06 May 2026; accepted for publication on 07 May 2026.